

В США её, как русскую разведчицу, посадили в тюрьму.

В России, после освобождения, она стала депутатом Государственной Думы и ведущей авторской программы на Первом канале ТВ «Куклы наследника Тутти»

МАРИЯ БУТИНА:

«Меня спасли, но я чувствую себя виноватой».

О приходе к вере в тюрьме и о критическом моменте. О плохих поступках Марии Бутиной в тюрьме. О семье Марии Бутиной — нынешней и будущей. И была ли Мария Бутина разведчицей? Об этом и многом другом

Фрагмент передачи 1 канала ТВ «Куклы наследника Тутти».

поговорили Мария Бутина и Владимир Легойда в программе «Парсуна».

- Мария Валерьевна, меня не отпускала ваша книга «Тюремный дневник», и я даже в каком-то смысле хотел бы перед вами извиниться, эта тема, видимо, будет сегодня такой сквозной. Для начала, я хочу вас попросить ответить на вопрос, вот как сегодня, здесь и сейчас вы бы ответили на вопрос: кто я?

Справка: Мари́я Валерьевна Бу́тина (род. 10.11.1988 года, Барнаул, РСФСР, СССР) — российский политический и общественный деятель. публицист, автор книги «Тюремный дневник». С 27 марта 2023 года выпускает авторскую программу «Куклы наследника Тутти» на Первом канале российского ТВ.

В июле 2018 года была арестована на территории США по подозрению в «работе на Россию в качестве агента» и позже приговорена к тюремному заключению. В октябре 2019 года, отбыв часть срока, была депортирована и вернулась в Россию.

Депутат Государственной Думы Федерального собрания Российской Федерации VIII созыва, член комитета Государственной Думы по международным делам с 12 октября 2021 года. Член фракции «Единая Россия».

- Я человек со всеми его слабостями, со всеми его, наверное, сильными сторонами, и это прекрасно. Я получила в моём заключении один из самых, наверное, сильных и важных уроков в жизни: «если ты пала — восстань, если ты ещё раз пала — еще раз восстань». Поэтому я очень рада, что мы снова и снова говорим о том, что происходило со мной в заключении, потому что Господь даёт испытания по силам. И конечно, на тот момент, я думаю, мы об этом ещё поговорим, когда ты находишься в одиночном карцере, сначала ты видишь ситуацию немножко не так, тебе очень сложно понять, что всё пройдет — и это тоже пройдет, но это необходимо. И когда потом ты уже проходишь через определенные испытания, ты понимаешь, что если бы у меня сегодня спросили: а ты бы хотела, чтобы всего этого не было? Я бы сказала: «нет», потому что тогда я бы не начала свой путь в вере, например, а я

считаю, что это самое важное. Вообще, тюрьма — очень интересное явление, я обратила внимание, что люди там, заключённые, разделяются на две категории: люди, которые приходят к вере и которые говорят, что единственное, что может тебя пронести через эти испытания, — это вера в Господа. И вторая часть — это те люди, которые наоборот отчаиваются, которые говорят, что не может быть, что Господь есть, если Он даёт такие испытания. Я отношусь к первой части, и для меня тюрьма, несмотря на всю тяжесть тюремных стен и темноту карцера, была местом очень светлым. Это то время, когда ты вдали от всего наконец-то в какой-то момент находишься наедине с Господом, у тебя есть возможность вообще заглянуть внутрь себя и понять, кто ты.

- То время, которое вы провели в тюрьме, привело, в плане отношения к вам окружающих, к предательству одних людей и к тому, что многие проявили вам верность. А скажите, пожалуйста, вот ваша вера в людей как-то изменилась после этого опыта, её стало больше, меньше, вы понимаете, что человек всегда может предать или вы, наоборот, понимаете, что есть люди, которые не предадут никогда? Как вы сейчас к этому относитесь?

В американской тюрьме.

Фото: <https://bangkokbook.ru/poezdk/mariya-butina-v-ssha.html>

возвращаясь к вопросу: почему так случилось? Ну, понятно, что уголовное дело — это одна часть. Но ведь так, с точки зрения вселенского чего-то так же произошло, значит, либо это какой-то урок, либо ты что-то сделал не так. И я помню этот момент, я в это время учусь в магистратуре в американском университете, и люди, мои одноклассники постоянно ходят ко мне, что-то спрашивают, это так назойливо, и у меня одна такая мечта: вот оставьте меня все в покое. И я получила свою мечту. И вот с тех пор (когда вы что-то желаете, будьте очень осторожны в своих желаниях) я просидела сто семнадцать дней в карцере, не видя живого лица, и я люблю людей. Более того, интересно тоже, у меня очень много времени прошло наедине с собой и с книгой, чему я, конечно, очень благодарна, потому что человек, который был моим наставником во время тюремного заключения, это отец Виктор Потапов, настоятель храма в городе Вашингтоне. Он приходил ко мне, и первое время мне разрешали читать только религиозную литературу, это было великолепное время, потому что оттуда, кстати говоря, я вынесла очень много великих истин, которые сегодня помогают мне жить каждый день. Одна из них, например: ну мы же не отказываем себе в том, что в нас есть двойственность, мы совершаем хорошие поступки и плохие поступки, ведь никто же никогда не видит, как мы каемся. Поэтому ровно также я отношусь к людям.

Сказать, что я ненавижу агентов ФБР, которые допрашивали меня целых полгода, 52 часа в гараже — нет, я их простила сразу, иначе это бы уничтожило меня саму изнутри. Представьте себе, у вас карцер: два на три и там, не знаю, шконка — это всего лишь выступ из бетона, из стены, и видно кирпичную стену, больше ничего. Нельзя ненавидеть в этих условиях, поэтому нужно научиться воспринимать людей такими, какие они есть, понимая, что ты-то тоже несовершенен.

- Вы уже стали говорить про отца Виктора, и в книге об этом написано тоже. Но вот что я заметил и о чём хотел вас спросить: вы довольно подробно описываете многие вещи, это большая книга, толстая, хотя, повторяю, она не отпускает, её нельзя отложить. Но об отце Викторе написано очень мало. Это что-то настолько личное, что вы сознательно не стали об этом писать?

Фото: <https://stranabolgariya.ru/foto/mariya-butina-v-ssha.html>

- Нет, это связано не с этим. Отец Виктор дал мне благословение на эту книгу, и мои взаимоотношения с ним (мы их поддерживаем) до сих пор очень тёплые, я до сих пор считаю, что это человек, который стал моим первым и, наверное, самым важным наставником в вере. Однако я помню себя, когда я только оказалась в заключении, я пишу об этом, кстати говоря, когда речь идет об отце Викторе, я была не готова воспринять больше информации, чем могла тогда переварить, я имею в виду, информацию о вере, о Православии...

И здесь то же самое, я могла написать религиозную книгу, я могла написать книгу о всём том пути, о котором мы сейчас говорим, какие-то вещи, которые подготовленному человеку ясны и понятны. Человек, который ещё пока не готов и находится на самом начале пути, а может быть, даже ещё и не встал на этот путь, увидев такой текст, либо не поймет его, либо ощутит определённое отторжение, что, мол, вот кто-то пытается здесь вести какую-то пропаганду, ещё что-то. Это же опять же, возвращаясь к нашим мудрецам, возвращаясь к нашим старцам, — каждой беседе - своё время, тем более беседе о духовном. Поэтому, с одной стороны, возможно, будет вторая книга об этом, сейчас у меня ведётся работа над второй книгой. Я обдумывала это, но посчитала важным, ведь книга-то глубоко религиозная, вы наверняка это заметили, но сам факт, что в ней я не рассказываю о том, как я долгими днями изучала иконопись, изучала Библию, причём во всех её вариантах — на английском, на русском языках, совершенно, абсолютно разных течений, изучала историю, жития, всё абсолютно, я не пишу об этом. Почему? Потому что это мой путь.

- Вы говорите, что когда в первый раз вы встретились с отцом Виктором, у вас было такое ожидание, если я правильно понял, что вот он, может быть, начнёт вас как-то тоже судить или как-то строго спрашивать, или призывать к покаянию. Это был какой-то стереотип?

- Да, конечно. Моя семья, я скажу так, относится к умеренно верующим. То есть, безусловно, у меня - православная семья, мои мама и бабушка. Меня крестили, когда мне было десять лет, у нас есть иконки, соблюдаются самые главные праздники. Мама, несмотря на то, что мы живём в Сибири, и, как правило, в пост в любом случае приходится добавлять в пищу какие-то продукты, всё-таки в пост она соблюдает определенные ограничения. То есть это есть в семье. Но о вере как таковой никто не говорил, это скорее была определенная традиция, я была в храмах, и моё первое такое соприкосновение с верой (о котором я потом, к сожалению, забыла) произошло, когда у нас в школе организовали поездку по Серебряному кольцу...

- Вы упоминаете, что у вас был детский опыт, да.

- Вот тогда да, тогда я каждый вечер, ложась спать, продумывала свой день и за что-то каялась, что-то, наоборот, хотела сделать больше для людей доброго, а потом это как-то вот, как всегда, оно исчезло. И я настолько удалилась от этого мира, что он стал каким-то чужим. И поэтому, когда я вижу отца Виктора, я в этот момент жду от него примерно следующего: ну всё, дочь моя...

- Грешница, покайся.

- Да, всё, тебя уже ничего не спасёт. И я вижу человека, который просто спрашивает меня: как дела, условно, что случилось с тобой? И вот этой отеческой заботы и любви, я её не ожидала. И поэтому, наверное, тогда, как я пишу, это была первая в моей жизни исповедь. Потом были ещё, но вот эта была самая запоминающаяся.

Фото: <https://www.trud.ru/author/12658/page/2/>

- Мне рассказала наша с вами общая знакомая, что вы записывали недавно отца Виктора для работы, которой вы занимаетесь, журналистской, и знаете, что она мне сказала? Что Маша совсем другая, когда с ним говорит. Вот вам понятно, о чём это?

- Да. И знаете, я скажу какую-то, наверное, самую странную или страшную вещь для кого-то: в тюрьме было проще. Было проще даже, когда ты сидишь в одиночном карцере — это не значит, что я хочу туда вернуться, но там было проще, потому что надеяться было не на что и не на кого, кроме Господа. А когда ты оказываешься в мире, в огромном мире, и ты понимаешь, что, как мы начали нашу беседу, с того, что, наверное, нужно с кем-то быть осторожнее. А там у тебя, в моем случае: да, это карцер, да, это маленькая каморка, да, там только бетон и только твои книги, и, наверное, искреннее веры нет нигде. А потом ты выходишь в этот большой мир, и ты вынужден, вот это самое сложное, ведь отец Виктор говорил мне об этом, а я тогда это восприняла, так, условно. Он говорил: в том мире, когда ты выйдешь туда обратно, как сохранить то, что ты приобрёл — вот это большое искусство. И для меня оказалось, действительно, каждый день — это вызов. Перед моим переводом во Флориду (и через полгода меня ждала депортация), меня изолировали от

информации, я практически не знала, что происходит в моей ситуации. И когда у меня какая-то информация стала просачиваться, я отцу Виктору говорила «Я вообще уехать хочу, я хочу уехать домой к родителям, они так много пережили», потому что я всегда считаю, что в страданиях, когда твой ребёнок находится в заключении или близкий для тебя человек, хуже тем, кто на воле, потому что у них фантазия безгранична, они представляют ужасы, а ты в этих ужасах живёшь, но они хотя бы ограничены рамками человеческой фантазии. И я хотела просто быть с ними, вообще, я - преподаватель по образованию, я хотела преподавать и говорила об этом отцу Виктору. Но я понимаю, что у меня была возможность вот это вот, не знаю, известность, не известность, узнаваемость, наверное, то, что имело место быть в моей ситуации, дало мне в определенном смысле мегафон, рупор. И я спросила его, как быть, ведь всё равно я каждый день буду подвергаться вот этим ощущениям того, что тебе это понравится, ты втянешься в это, тебе станет нравиться то, что вот вокруг тебя все ходят, тебя показывают по телевизору, ведь это что — тщеславие, конечно. Я говорю: а как же так? Он говорит: «А знаешь, мне жаль тебя, ты всю жизнь свою будешь каяться, но ты обязана сделать это, потому что мир должен знать правду. В конце концов, ради этих женщин, над которыми так действительно издевается американская система исполнения наказаний, её по-другому не назовёшь». Они просили меня сказать правду, как я могу молчать?

- Я подумал сейчас, слушая в том числе ваши слова об отце Викторе, что, может быть, это один из немногих людей, от которых вы совсем никак не защищаетесь, потому что этого не нужно делать.

- Не нужно. И в мире должен быть хотя бы один человек, которому ты доверяешь.

Возвращение на Родину после тюремного заключения в США.

Фото: <https://stranabolgariya.ru/foto/mariya-butina-v-ssha.html>

- А вот после всего, что было, о чем вы уже сегодня сказали, что сегодня для вас значит быть верующим человеком?

- Я знаю ответ на этот вопрос. Это когда что бы с тобой ни произошло, хорошее или плохое, особенно хорошее, — это не твоя заслуга, это всё хвала Господу. Вот умение, и меня тоже заносит, как и всех, когда у тебя что-то

вдруг складывается как по маслу, и ты думаешь: ай, да я молодец!

Вот в этот момент, в этот момент я всегда возвращаюсь к молитве, говорю: Господи, спасибо, что у папы, слава Богу, там со здоровьем были сложности, сейчас всё хорошо. И каждый раз вот эта фраза: знать, что есть молитва и уметь себя немножечко раз — и осадить, вот это вот сложно, но вот это и значит быть верующим человеком.

Продолжение следует.

Источник: <https://foma.ru/menja-spasli-no-ja-chuvstvuju-sebja-vinovatoj-marija-butina.html>

Ещё больше интересных статей см. на сайте: <https://небесный-дом.рф>